

К 80-летию юбилею В. И. Жукова

**ОЧЕРКИ
ПРАВА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ**

Сборник статей

Харьков
«Право»
2018

УДК 347.77
О-95

Ответственный редактор:
профессор *И. В. Спасибо-Фатеева*

Очерки права интеллектуальной собственности : сб. ст. / [И. В. Спасибо-О-95 Фатеева, С. А. Глотов и др. ; отв. ред. И. В. Спасибо-Фатеева]. – Харьков : Право, 2018. – 488 с.

ISBN 978-966-937-432-5

В сборник, состоящий из трех разделов, вошли статьи по тематике права интеллектуальной собственности. В первом разделе публикуются избранные статьи В. И. Жукова, написанные им с 1988 года по настоящее время. Во втором разделе – статьи его учеников, в третьем – статьи докторов юридических наук, докторов права, представителей разных научных школ Украины и других стран – Германии, Литвы, Казахстана, Республики Беларусь, Российской Федерации.

Книга адресует читателям, интересующимся сегодняшними проблемами права интеллектуальной собственности. Для преподавателей, магистров, аспирантов, студентов юридических вузов, судей, адвокатов, практических работников и широкого круга читателей.

УДК 347.77

ISBN 978-966-937-432-5

© Спасибо-Фатеева И. В., Глотов С. А. и др., 2018
© Оформление. Издательство «Право», 2018

Об Учителе и Учёном

Виктор Иванович Жуков — мой научный руководитель. И когда заходит об этом речь — взгляд собеседника становится строже и заинтересованнее, что само по себе говорит о многом.

Я не сторонница пафоса и «высоких» слов, даже по случаю юбилея. Всё это на самом деле совершенно не нужно для того, чтобы поделиться своими мыслями, сказать о самом, на мой взгляд, важном, несколько приоткрыв и личные оценки.

Прежде всего, известно, что среди профессиональных интересов В. И. Жукова приоритетное место всегда занимали вопросы права интеллектуальной собственности. Именно поэтому в сборник в основном включены статьи, посвященные осмыслению различных его аспектов. Это работы Виктора Ивановича, его учеников, его коллег, которые также погружены в эту проблематику.

Не осталась незамеченной цивилистической общественностью и научная озабоченность Виктора Ивановича вопросами методологии, и это убедительно демонстрируют представленные в сборнике статьи, написанные им с 80-х годов прошлого столетия и до настоящего времени. Надеюсь, читатель откроет для себя новый интересный ракурс в этом направлении, не востребованном сегодня должным образом, несмотря на появившиеся публикации и проводимые на эту тему конференции. Без методологии невозможно само научное исследование и просто так отмахнуться от этого не удастся, хотя именно это и наблюдаем в трудах наших современников.

Статьи В. И. Жукова — это не просто тексты, когда-либо им написанные. Это — то, что представляется ему крайне важным. Позволю себе заметить, что Виктор Иванович всегда радел о чистоплотности в цивилистике, о вынесении на суд общественности не эрзац-знаний, а более или менее точных и аргументированных исследований.

Его статьи заставляют задуматься над очевидным или, напротив, над тем, что выпало из поля зрения (или даже никогда туда не попадало). И это тоже очень важно, ибо для получения хотя бы мало-мальски объективного представления о чём-либо следует выйти за пределы круга и посмотреть извне на то, что находится в нём. Боюсь, что мы или ужаснёмся от увиденного, или не увидим вообще ничего, похожего на правовую науку. Уже давно в диссертациях формально указываются методы

исследования, подаются в качестве научной новизны положения, не просто далекие от новых, а порой весьма банальные.

Колесо «правовых научных исследований» сегодня так раскручено, что «пустяки», о которых пишет В. И. Жуков, — уже вообще не тема разговора. Обычная реакция на подобные мысли — это с досадой от них отмахнуться. Особенно когда речь заходит о математизации юридических знаний в науке гражданского права, о приоритете, а не о том, что у нас принято называть «научной новизной». Согласитесь, легко ли нашей братии воспринять настойчивые попытки Виктора Ивановича на протяжении стольких лет доказывать отсутствие в праве «методов как таковых» и утверждать, что «наука о праве как таковом» не описала ни один *способ* его изучения, который можно было бы назвать именно *методом*.

И это свидетельствует о том, что при написании и защите диссертаций по цивилистике (и не только) мало кто стремится действительно исследовать какую-то проблему/решить задачу или хотя бы её поставить, определить само её существование. В мутном потоке «диссертаций» захлебнулась уже сама их сущность как научных исследований. И, к огорчению, такое положение не требует доказательств — стоит лишь обратиться к базе данных о защищённых в последнее время диссертациях и просмотреть авторефераты.

Но, к счастью, не всё так плохо, есть ещё единомысленцы, которым важно понять суть проблемы и постараться её решить.

Работы В. И. Жукова убеждают в его научной прозорливости, предвидении им на многие годы вперед новых подходов к изучаемому явлению. Достаточно вспомнить предложения по регулированию отношений, связанных с результатами интеллектуальной деятельности, о программном обеспечении и многом другом. И то, что некоторые его чаяния нашли со временем воплощение в законодательстве и доктрине (а другие лишь ждут своей очереди), само по себе свидетельствует об объективности и о глубокой степени осмысления того, о чём писал и пишет В. И. Жуков.

Ещё одно ощущение от его работ — они как глоток свежего воздуха в нашей, с позволения сказать, «загазованной» научной среде. Это их восприятие именно как научных трудов, в отличие от многих статей современных украинских цивилистов — какой-то странной компиляции сведений, бесконечного цитирования, неизвестно зачем и кому предназначенного, часто не имеющего определенной цели и не известно, к чему приводящего. Виктор Иванович называет это «битвой цитат».

В работах В. И. Жукова всё имеет смысл и своё предназначение, которые улавливаются с самого начала каждой статьи и раскрываются по мере её изложения. Причём постановка задачи, логика изложения материала, аргументированность рассуждений и сам их уровень — всё это для тех, кто приобщен к правовой научной среде, а не мнит себя к ней причастным.

Именно поэтому В. И. Жуков является уважаемым и авторитетным цивилистом, которому мы, его ученики, бесконечно благодарны, признательны за ту роль, которую он сыграл в жизни каждого из нас.

К участию в этом сборнике были приглашены наши зарубежные коллеги, которые знают Виктора Ивановича или лично, или по публикациям. Очень приятно, что откликнулись многие и поэтому читатель имеет возможность ознакомиться с разными взглядами на одну тематику и с различными её ракурсами. Я очень благодарна всем украинским учёным, в сфере интересов и деятельности которых находится право интеллектуальной собственности, которые предоставили в этот сборник свои статьи. К этому следует добавить выражение особой благодарности С. А. Глотову, который приложил много усилий к тому, чтобы этот сборник увидел свет.

Для настоящего ученого счастье — видеть результаты своей жизни, научного творчества, своих учеников. Совершенно заслуженно это счастье выпало нашему замечательному Учителю, известному Учёному Виктору Ивановичу Жукову.

И. В. Спасибо-Фатеева

РАЗДЕЛ 1

Жуков Виктор Иванович,
кандидат юридических наук,
доцент, член-корреспондент
Украинской Академии
информатики, адвокат
(Харьков, Украина)

ПРОЦЕСС МАТЕМАТИЗАЦИИ ЗНАНИЙ КАК ПРОБЛЕМА В МЕТОДОЛОГИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА*

Для углубления интеграции наук, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть проблему математизации знаний в науке гражданского права.

1. В свое время К. Маркс в беседе с П. Лафаргом высказал мысль о том, что наука достигает совершенства только тогда, когда она начинает пользоваться математикой¹. Если признать данное суждение за аксиому, то возникает вопрос: что можно сказать относительно того, как наука гражданского права пользуется математикой? Прежде чем ответить на этот вопрос, для лучшего восприятия кратко поясним смысл отдельных терминов.

Итак, по определению И. П. Павлова, «Наука есть метод»². Термин «знание» обозначает научный результат, термин «познание» — процесс получения научного результата. Следовательно, говоря о математизации знаний в науке гражданского права, мы должны подразумевать проникновение математических методов как в научный результат, так и в процесс его получения.

Относительно признания частнонаучных методов в литературе по теории права имеются полярные суждения. Так, еще в 1947 г. А. А. Пионтковский писал, что нельзя говорить об особом методе отдельных юридических дисциплин — методе науки уголовного права, методе на-

* Жуков В. И. Процесс математизации знаний как проблема в методологии гражданского права // Методология права: общие проблемы и отраслевые особенности. — Тарту : Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1988. — 284 с. — С. 203–223.

¹ Рузавин Г. И. Математизация научного знания. М. : Мысль, 1984. С. 20.

² Свирижев Ю. М. Математические модели в экологии. Число и мысль : сб. М. : Знание, 1982. Вып. 5. С. 17.

уки гражданского права и т. д.¹ По мнению В. А. Козлова, в советской юридической литературе в последнее время методологию приемлют не только как метод материалистической диалектики. Методология юридической науки рассматривается как более сложное образование, включающее в себя метод материалистической диалектики, общенаучные и частнонаучные методы правопознания. По его мнению, метод, в том числе и частнонаучный, представляет собой систему различных познавательных средств и приемов, организованных в определенном порядке для проведения исследования². Это позволяет совершенствовать традиционные приемы и способы науки гражданского права за счет обогащения их интегрированными знаниями других наук.

Необходимость в этом объективно предопределена: исследованием объекта гражданского правоотношения — должного поведения субъектов имущественных и личных неимущественных отношений в единстве с их фактическим поведением для установления взаимосвязи, а также взаимодействия с иными общественными явлениями, то есть в единстве объекта и окружающей его среды; исследованием объекта гражданского правоотношения второго порядка, или рода (О. В. Тарановский, С. Ф. Кечекьян)³, под которым подразумеваются как телесные вещи, так и бестелесные продукты творческой деятельности — открытия, изобретения, товарные знаки и т. п., а также ещё не получившие прямой правовой охраны нетипичные объекты (математические модели, алгоритмы, программы для ЭВМ и т. п.) для выявления в них таких свойств, с которыми норма права могла бы связать возникновение, изменение или прекращение имущественных и личных неимущественных прав и обязанностей.

Только на базе интегрированных знаний из области других наук цивилист может увидеть в объекте второго рода не только то, что лежит на поверхности, но и то, что лежит за ним, что составляет его содержание и механизм, его производящий.

В целом такой подход к методологии правопознания в науке гражданского права нам представляется более прогрессивным еще и потому, что позволяет отразить относительно автономные образования, состоящие из различных приемов и способов. Именно благодаря этому качеству и возможна интеграция.

¹ Пионтковский А. А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М.: Госюриздат, 1963. 468 с.

² Козлов В. А., Суслов Ю. А. Конкретно-социологические исследования в области права : учеб. пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. С. 16.

³ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М. : АН СССР, 1958. С. 141.

Вместе с тем надо отметить, что даже общенаучные методы, не говоря уже о частнонаучных, существуют не как первичные, а как производные второго и третьего порядка, как следствие применения исходного метода — диалектического. Мы разделяем мнение П. А. Варула о том, что соотношение материалистической диалектики с частнонаучными методами есть соотношение всеобщих закономерностей познания и конкретных форм их проявления¹. Последние могут проявляться как своеобразные, относительно устойчивые в своей структуре технологии, ориентированные на получение новых знаний.

Под технологией обычно понимается набор средств и операций, необходимых для получения искомого результата (А. С. Майданов)². Структура технологии правопознания чрезвычайно мобильна и поливариантна. Однако подверженная математизации она приобретает относительно устойчивое состояние. Ее элементами являются: «исследуемый объект /а/ ⇒ субъект, деятельности /б/ ⇒ искомая цель /в/ ⇒ модель исследуемого объекта /г/ ⇒ поиск общего метода, ведущего к искомой цели /д/ ⇒ разработка на его основе частного метода /е/ ⇒ формулирование задачи/ж/ ⇒ построение алгоритма ее решения /з/ ⇒ составление машинно-ориентированной программы /и/ ⇒ ввод программы в ЭВМ /к/ ⇒ получение искомого результата /л/».

Каждый из входящих в данную технологию элементов может быть разложен на его составляющие, вплоть до первичных. Важно обратить внимание еще и на то, что данная технология, как и любая, может быть «разукомплектована» по частям. Возможно соавторство и сотрудничество.

Таким образом, под частнонаучными методами в науке гражданского права мы понимаем, в частности, математизированную технологию получения знаний, которая в силу своего формализованного языка может интегрировать данные других наук. Это особенно важно при проведении комплексных исследований, где только интеграция данных других наук в составе единой теоретической концепции способна адекватно описать предмет исследования во всех его проявлениях³.

Математизация знаний — процесс необходимый, поскольку через нее все науки тесно взаимосвязаны как бы через единую систему сообщающихся сосудов, благодаря которой уровень одной науки подтягивает

¹ Варул П. А. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. Таллин : Ээсти Раамат, 1986. С. 10.

² Майданов А. С. Процесс научного творчества. М. : Наука, 1983. С. 67.

³ Козлов В. А., Суслов Ю. А. Конкретно-социологические исследования в области права : учеб. пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. С. 7.

другой. Происходит это в результате знания ими «международного языка», то есть математического. При таком положении дел наука гражданского права не может долго оставаться вне этой взаимосвязывающейся системы, вне необратимого процесса, характеризуемого одним словом — математизация.

2. Итак, идя по пути поиска интегрированных знаний, мы прежде всего выбираем наиболее близкую к науке гражданского права и смежную с ней по объекту исследования эмпирическую социологию. С позиций узкого подхода к науке о праве предметом правоведения выступает не фактическое поведение людей, а должное, установленное нормой права. Правда, в этом четко отражается узконормативная трактовка права, получившая реальное развитие. К сожалению, как справедливо отмечает В. А. Козлов, многоаспектный подход к праву, наметившийся в первое десятилетие после Октябрьской революции, по ряду причин не получил дальнейшего совершенствования¹. В силу этого обстоятельства социологический и отраслевой юридический подходы, по мнению Ю. А. Суслова, имеют разные предметы исследования и соответствующие им различные понятийные системы. Выходом из создавшейся ситуации могло быть либо расширение предмета правоведения, либо исключение конкретно-социологических исследований из юриспруденции.

Сейчас в правоведении существуют два взаимоисключающих мнения относительно содержания социологических исследований права и их места в системе наук. Ряд авторов считает, что социологические исследования должны развиваться в рамках правоведения. Это положение они связывают с необходимостью расширения предмета юридической науки. Применительно к науке гражданского права, на наш взгляд, это означало бы включение в сферу её изучения и фактического поведения субъектов гражданского права. По мнению других авторов, подобная «социологизация» приведёт к потере специфики правовой науки, объект регулирования которой должен изучаться юриспруденцией в его юридическом выражении как правовая форма фактических отношений. Конкретные же социологические исследования, по их мнению, нужны, но задачей здесь является не подмена собой социологов, а изучение совместно с ними проблемы, просматривание её сквозь призму уже сложившихся категорий правоведения².

Нам представляется, что на данном этапе, когда реально преоблада-

¹ Козлов В. А., Суслов Ю. А. Конкретно-социологические исследования в области права : учеб. пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. С. 3.

² Там же. С. 11.

ет узконормативная, сугубо специальная юридическая трактовка права над многоаспектной, данные эмпирической социологии должны быть интерпретированы наукой гражданского права вне связи с вопросом о расширении предмета юридической науки в целом и гражданского права в частности. Это будет означать, что предметом математизации в науке гражданского права по-прежнему остаётся должное поведение, моделируемое системой гражданско-правовых норм, точнее, моделируемое нормативными предписаниями в том смысле, в котором они представлены С. С. Алексеевым¹.

Можно сделать вывод, что если сейчас и говорить о крутом переломе в науке гражданского права, то он должен произойти именно здесь, на этой критической точке отсчета, то есть с проведения конкретных социологических исследований на базе так называемого «среднего уровня», доступного измерению, без чего нельзя использовать количественные методы математики. Без отмеченных данных не может быть успешно решена и проблема прогнозирования, поскольку только эмпирическая социология может достоверно отразить опосредствующее звено, которое, по мнению Н. Н. Тарасова, всегда находится между правовыми нормами и преследуемым законодателем эффектом, на достижение которого эти нормы направлены, — психику людей и их социально-психологические связи². Надо отправляться от фактического поведения человека как первичного явления, соотнося его с должным поведением субъекта гражданского права, а не наоборот. Только совершая эмпирико-теоретические циклы, путём последовательного чередования данных о фактическом поведении с моделированным должным поведением на математической основе можно определить обратную связь права и социальных условий.

О необходимости подобного рода социологических исследований В. Н. Кудрявцев писал еще в 1969 г., обращая внимание на то, что эта связь до недавнего времени устанавливалась преимущественно на высоком уровне обобщения, т. е. к праву в целом. На уровне отдельных правовых институтов и норм данная связь скорее декларировалась, чем глубоко изучалась³. Следует отметить, что те юридические науки, которые имеют тесную связь с эмпирической социологией, например, криминология, криминалистика, имеют и больше успехов в основном вопросе правопознания — адекватном «переводе», или интерпретации объектив-

¹ Алексеев С. С. Структура советского права. М. : Юрид. лит., 1975, С. 81–118.

² Тарасов Н. Н. Роль социально-психологических факторов в правовом регулировании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. С. 1.

³ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М. : АН СССР, 1958. С. 64.

ных законов в субъективные юридические принципы. И напротив, те науки, которые эту связь уже длительный период времени игнорируют, постоянно сталкиваются с одной и той же проблемой, констатируя при этом, что законодатель может ошибаться «...в оценке объективных возможностей, сроках, темпах регулирования — поспешить или, наоборот опоздать с изданием закона. Иначе говоря, — пишет С. Н. Братусь, — не всегда в нормах права учитывается объективная необходимость, на законодательство влияют и случайные факторы...»¹.

Выход из сознавшегося положения видится в комплексных исследованиях с применением математизированных технологий познания двух объектов поведения — должного и фактического в рамках единой теоретической концепции.

В связи с интеграционными процессами в правопознании нельзя не обратить внимания еще на одну очень важную методологическую проблему — возможную подмену предмета исследования. Она имеет место и в рамках комплексных исследований, но в большей степени вне их. Никто не спорит против того, что каждый исследователь должен заниматься своим делом, то есть исследовать только ту сторону в многостороннем объекте, которая вписывается в рамки предмета его науки. Но, читая цивилистическую литературу, замечаешь, что не каждому удастся удержать эту сторону в предметном поле. Цивилистам, изучающим имущественные отношения, легко «скатиться» в предметное поле той или иной конкретной отрасли экономики или политэкономии. В результате такого смешения предмета исследования ответы на чисто юридические вопросы ищут вне гражданского права, а на неюридические вопросы — в гражданском праве. В первом случае цивилисты становятся «специалистами» в области конкретной экономики, во втором — в области политэкономии.

Аналогичная ситуация имеет место и тогда, когда цивилисты исследуют то, что они обычно называют практикой применения действующего законодательства в той части, где они не просто описывают фактическое поведение субъекта права, но и устанавливают его причины. Заслуживает профессионального рассмотрения проблема применения норм права. Ее надо исследовать комплексно и в том направлении, в котором показал в своей монографии В. В. Лазарев, то есть в социально-

¹ Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М. : Юрид. лит., 1963. С. 51.

психологическом¹.

Однако возможна и такая ситуация, когда исследователь сознательно расширяет границы поискового поля, охватывая и другие науки. В результате возникает ситуация, при которой исследуемый объект лежит как бы по ту сторону границы, например, с целью уяснения содержания или сущности объектов второго рода — фактического поведения субъектов права, либо открытий, изобретений, математических моделей. Разумеется, что и здесь подмены предмета исследования не должно быть. Функция цивилиста в этих случаях должна состоять в другом — найти «за границей» такое свойство и механизм его производящий в исследуемом объекте, с которым можно было бы связать определенные правовые последствия. Эта связь и будет интеграционной базой данных, которые войдут после юридико-технической обработки в гипотезу и диспозицию нормативного предписания. Эту ситуацию надо отличать от той, о которой мы обычно говорим, как о ситуации, возникающей на стыке наук. На стыке наук мы не переходим границу предметного поля науки, представляемой нами.

Описанная ситуация встречается и в сфере других наук. Известный психолог П. Я. Гальперин считает, что исследовать не свой предмет можно лишь на уровне описания явления. Наука же изучает, собственно, не явления, а то, что лежит за ними и производит их, что составляет «сущность» этих явлений — их механизмы. Выход из проблемы автор видит в наличии чётких критериев, позволяющих определить, что может и должен изучать психолог, а что подлежит ведению других наук, какие задачи должен решать психолог, а какие лишь кажутся психологическими, но на самом деле ими не являются, и психолог не может и не должен их решать. В противном случае рано или поздно возникнет вопрос: а не напрасны ли усилия многих и несомненно выдающихся исследователей и не идут ли они по ложному пути?²

3. Таким образом, приступая к непосредственному изложению основной проблемы — математизации юридических знаний в науке гражданского права, мы оказываемся и на стыке наук, и за границей ее предметного поля. В одном случае относительно эмпирической социологии, в другом — относительно конкретной экономики.

Дадим краткую характеристику общих положений, имеющих отноше-

¹ Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань : Изд-во Казан, ун-та, 1982. С. 1–137.

² Гальперин П. Я. Введение в психологию. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 7–9.

ние не только к эмпирической социологии, но и конкретной экономике. Итак, прикладная математика, а именно на неё ложится бремя математизирования частнонаучных методов (технологий) науки гражданского права и установления связи с другими науками, — это наука об общих принципах построения, анализа и проверки математических моделей¹, то есть моделей, которые замещают реальный объект исследования. Он может лежать как в сфере точных, так и описательных наук, в том числе и в юриспруденции. И именно благодаря замене реального объекта исследования на модель, как указывают академик А. Н. Тихонов и профессор А. Д. Костомаров, появляется возможность сформулировать задачу его изучения как математическую и воспользоваться для анализа универсальным математическим аппаратом, не зависящим от конкретной природы объекта². В свете изложенного обратим внимание на два обстоятельства.

Между чистой, теоретической математикой и теорией права и социологии, с одной стороны, и эмпирической социологией и прикладной математикой — с другой, есть общее, что их сближает — это процесс познания. В теориях он идет от конкретного (сложного) к абстрактному (простому). В прикладных науках познание идет обратным путем — от абстрактного (простого) к конкретному (сложному). Поэтому в науке гражданского права надо четко разграничить две сферы её изучения — теоретическую цивилистику и прикладную цивилистику. Последняя должна изучать проблемы применения норм гражданского права. Её будет объединять с прикладной математикой процесс познания — от абстрактного (простого) к конкретному (сложному). На этой параллельной основе и должен начаться процесс математизации, то есть проникновение математических методов в цивилистику.

Наука гражданского права изучает природу своих объектов качественными методами. Заметим, что в эмпирической социологии и экономике применяются и количественные методы. Следовательно, чтобы науке гражданского права сблизиться со смежными с ней науками, необходимо осваивать и количественные методы (метрические и особенно неметрические), чтобы иметь дело со структурой количественных отношений объекта во всем его многообразии, изученного лишь на качественном уровне. Все это имеет значение и для интеграции знаний.

Без отмеченных выше двух положений трудно реализовать рекомендацию, содержащуюся в статье «Правовая система социализма: проблемы

¹ Рузавин Г. И. Математизация научного знания. М. : Мысль, 1984. С. 30.

² Тихонов А. Н., Костомаров Д. П. Вводные лекции по прикладной математике. М. : Наука, 1984. С. 8.

функционирования и развития» об использовании математических методов для отображения специфики «правовой материи».

Касаясь текущих проблем математизации эмпирической социологии, отметим, что из трёх известных в ней уровней знаний только два — высший, или теоретический, и конкретный, или эмпирический, признаются всеми. Что же касается так называемого «среднего уровня», который призван перевести концептуальные, то есть качественные понятия в операционные показатели, доступные измерению, то их разработка, как отмечают специалисты, остается проблематичной и, что не менее важно, не всеми признается необходимой¹.

Если эмпирическая социология (и примыкающая к ней психология) относится к числу смежных наук с наукой гражданского права, поскольку их стороны в многостороннем объекте исследования непосредственно пересекаются и тем самым имеет место соприкосновение предметов — должного и фактического поведения, то сторона того же объекта, являющаяся предметом исследования конкретных экономических наук, изучающих производственные отношения, непосредственно с предметом науки гражданского права не соприкасается. А отсюда и сложность в «переводе», или интерпретации достаточно хорошо познанных экономических закономерностей в юридические принципы, коль скоро мы «перепрыгиваем» через одну из ступеней познания — эмпирическую базу данных, в которой лучше получают свое отражение производственные отношения.

Например, в науке гражданского права до сих пор не могут быть интерпретированы данные, полученные в конкретных экономических науках в применения теории оптимального программирования Л. В. Канторовича и Т. Купманса, теории оптимальных процессов Л. С. Понтрягина², теории В. Л. Рвачева R-функций³. Отмеченные теории являются научной формой знания о сложном и многообразном экономическом развитии, конечный результат которого, как писал Ф. Энгельс, «...всегда получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил...»⁴.

¹ Козлов В. А., Суслов Ю. А. Конкретно-социологические исследования в области права : учеб. пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. С. 6.

² Рузавин Г. И. Математизация научного знания. М. : Мысль, 1984. С. 127.

³ Рвачев В. Л. Теория R-функций и некоторые ее приложения. Киев : Наукова думка, 1982. С. 237–240.

⁴ Энгельс Ф. Йосефу Блоху (в Кенигсберг) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 395.